

Кельтская религия в дохристианские времена

Э. Анвил

Celtic religion in pre-Christian times

E. Anwyl

The Project Gutenberg eBook of Кельтская религия в дохристианские времена.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Кельтская религия в дохристианские времена

Автор: Э. Анвил

Дата выхода: 23 марта 2006 [eBook #18041]

Язык: Английский

Кредиты: Переписано с издания 1906 года Archibald Constable & Co. Ltd. edition by David Price

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK CELTIC RELIGION IN PRE-CHRISTIAN TIMES ***

Переписано из издания 1906 года Archibald Constable & Co. Ltd. edition by David Price,
csx074@coventry.ac.uk

КЕЛЬТСКАЯ РЕЛИГИЯ В ДОХРИСТИАНСКИЕ ВРЕМЕНА

ЭДВАРД АНВИЛ, магистр философии.

покойный классический ученый из Ориэл-колледжа, Оксфорд
профессор валлийской и сравнительной филологии в университетском колледже Уэльса,
Аберистуит
исполняющий обязанности председателя Центрального совета по среднему образованию
Уэльса

ЛОНДОН
ARCHIBALD CONSTABLE & CO Ltd
16 ДЖЕЙМС СТРИТ ХЕЙМАРКЕТ
1906

Эдинбург: Т. и А. Констебл, типография Его Величества

ПРЕДИСЛОВИЕ

Только по мере того, как доисторическая археология проливает все больше света на ранние цивилизации кельтских земель, становится возможным интерпретировать кельтскую религию с современной точки зрения. Автор искренне признает свой долг перед многочисленными авторами по этой теме, но его исследования в некоторых областях особенно натолкнули его на мысль о возможности дать новое представление некоторым фактам и группам фактов, которые раскрывают существующие свидетельства. Остается надеяться, что таким образом удастся пробудить новый интерес к религии кельтов.

E. Anwyl.

Аберистуит,
15 февраля 1906 г.

ГЛАВА I - ВВЕДЕНИЕ: КЕЛЬТЫ

Рассматривая тему "Кельтская религия", писатель в первую очередь должен объяснить, в каком смысле будет использоваться термин "кельтский" в этой работе. Он будет использоваться в отношении тех стран и районов, в которых в исторические времена в основном говорили на кельтском языке. Из этого не следует, что все расы, говорившие на кельтском языке, относящиеся к индоевропейской семье, были одного происхождения. Действительно, этнологические и археологические данные свидетельствуют о том, что, например, в Галлии и Британии человек жил в течение многих веков до внедрения любой разновидности арийской или индоевропейской речи, и, вероятно, так было во всей Западной и Южной Европе. Кроме того, в свете сравнительной филологии стало совершенно ясно, что формы индоевропейской речи, которые мы называем кельтскими, наиболее тесно связаны с формами италийской семьи, наиболее известным представителем которой является латынь. Из этого следует, что центр распространения арийской кельтской речи мы должны искать в каком-то районе Европы, который мог быть естественным центром распространения и для италийских языков. Из этого общего центра, путем завоеваний и последовавших за ними торговых контактов, племена, говорившие на различных формах кельтской и италийской речи, распространились по районам, занятым ими в исторические времена. Общий центр распространения кельтской и италийской речи, вероятно, находился в районах Норикума и Паннонии, современных Карниолы, Каринтии и т.д., а также в соседних частях долины Дуная. Завоевательные арианоязычные кельты и италики образовали военную аристократию, и их успех в расширении ареала распространения своих языков был во многом обусловлен их умением владеть оружием в сочетании, по всей вероятности, с талантом к управлению. Эта военная аристократия была родственна той, что принесла арийскую речь в Индию и Персию, Армению и Грецию, не говоря уже о первоначальных носителях тевтонского и славянского языков. Ввиду необходимости обнаружения центра, откуда индоевропейские или арийские языки в целом могли распространиться как на восток, так и на запад, сегодня принято считать, что эти языки первоначально были распространены в каком-то районе между Карпатами и Степями в виде родственных диалектов общей речи. Некоторые ветви племен, говоривших на этих диалектах, проникли в Центральную Европу, несомненно, вдоль Дуная, а из долины Дуная распространили свои завоевания вместе с различными формами арийской речи на Южную и Западную Европу. Соотношение завоевателей и покоренных не было одинаковым во всех странах, где они

властвовали, поэтому количество арийской крови в их результирующем населении сильно варьировалось. В большинстве случаев семьям первоначальных завоевателей, благодаря их мастерству в военном искусстве и определенному инстинкту управления, удавалось сделать свои языки доминирующими средствами общения в тех странах, где они правили, в результате чего большинство языков Европы сегодня относятся к арийскому или индоевропейскому типу. Из этого, однако, не следует, что ранние религиозные идеи или художественная цивилизация стран, которые сейчас арийские по языку, обязательно пришли от завоевателей, а не от покоренных. В прошлом веке долгое время считалось, что в странах с арийской речью основные черты их цивилизации, их религиозные идеи, их социальные институты, более того, сами их жители, были арийского происхождения.

Однако более критическое исследование позволило нам провести четкое различие между развитием различных факторов человеческой жизни, которые в своей эволюции могут следовать и часто следовали более или менее независимым линиям. Физическая история расы, например, представляет собой самостоятельную проблему и должна изучаться антропологическими и этнологическими методами. Язык, опять же, часто распространялся по другим линиям, нежели раса, и его исследование относится к сфере филологии. Материальная цивилизация также не обязательно следовала линиям расового или лингвистического развития, и поиск ее древних торговых путей можно смело оставить археологу. Точно так же распространение идей в религии и мысли - это явление, которое развивается по собственным линиям, и его исследование должно проводиться методами и по линиям сравнительного изучения религий.

Таким образом, в широком смысле, в котором слово "кельтская религия" будет использоваться в этой работе, оно будет охватывать формы религиозной мысли, распространенные в странах и районах, которые с течением времени в основном характеризовались кельтской речью. В совокупность этих религиозных идей были внесены вклады из многих источников. Было бы опрометчиво утверждать, что различные потоки арийского кельтского завоевания не внесли никакого вклада в представления о жизни и мире, которых придерживались страны их завоевания (и свидетельства языка, действительно, указывают на некоторые такие вклады), но их доля представляется небольшой по сравнению с долей их предшественников; и это не удивительно, учитывая огромный период, в течение которого земли их завоевания были заняты ранее. Ничто не может быть более наглядным, чем удивительное сохранение традиционных и древних форм мышления даже перед лицом завоевания и подчинения, и, какие бы идеи о религии ни принесли с собой арийские завоеватели кельтских земель, они, чьи завоевания часто были лишь частичными, не смогли искоренить закоренелые верования своих предшественников, и в итоге, несомненно, был достигнут некий компромисс, а то и победа более ранней веры.

Но сами арийские завоеватели Галлии и Италии не были людьми, продвинувшимися вверх по Дунаю за одно поколение. Те люди с арийской речью, которые хлынули на Италийский полуостров и в Галлию, несомненно, были по крови несмешанными с более древними жителями Центральной Европы и вошли в совокупность идей, сформировавших религиозные убеждения людей Дунайской долины. Общие изменения арийского языка у италийцев и кельтов по сравнению с греческим наводят на мысль о контакте с людьми с другой речью. В именах кельтских богов, как и в именах богов других стран, мы находим корни, которые, очевидно, несводимы ни к одному из найденных в индоевропейской речи, и мы не знаем, какие

доарийские языки могли их привнести. Сегодня ученые гораздо лучше, чем когда-либо прежде, понимают сложность элементов, вошедших в ткань древних религий человечества, и чем больше исследуются реликвии кельтской религии, тем сложнее становятся факторы, вошедшие в ее состав. За долгие века до начала истории существовали неучтенные завоевания и бесчисленные миграции, и идеи не перестают распространяться, потому что нет историков, которые могли бы их записать.

Чем больше изучаются скудные остатки кельтской религии, тем яснее становится, что многие из ее характерных черт сформировались в течение огромного периода каменного века. В течение этих тысячелетий одновременно с материальной цивилизацией люди выработали своего рода рабочую философию жизни, следы которой можно обнаружить в каждой стране, где преобладала эта форма цивилизации. Религия человека никогда не может быть отделена от его социального опыта, и болезненные этапы, через которые человек прошел, например, к сельскохозяйственной жизни, оставили свой неизгладимый след в сознании человека в Западной Европе, как в любой другой стране. Таким образом, мы вынуждены, исходя из тех признаков, которые мы имеем о кельтской религии, в именах ее божеств, ее обрядах и ее выживаниях в фольклоре и легендах, прийти к выводу, что ее фундаментальная основа - это совокупность идей, подобных тем, что существуют в других странах, которые были естественными коррелятами фаз опыта, через которые прошел человек в своем становлении в цивилизованную жизнь. Показать и проиллюстрировать эти взаимосвязи - вот цель следующих глав.

ГЛАВА II- ОСНОВНЫЕ ФАЗЫ КЕЛЬТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В главных странах кельтской цивилизации - Галлии, Цизальпинии и Трансальпинии, Британии и Ирландии - было найдено множество материалов для выяснения стадий культуры, через которые прошел человек в доисторические времена. В Британии, например, палеолитический человек оставил многочисленные образцы своих орудий, но даже формы этих грубых орудий позволяют предположить, что они тоже произошли от более примитивных типов. Некоторые антиквары пытались обнаружить такие ранние типы в камнях, которые были названы "эолитами", найденными в Кенте, но, хотя эти "эолиты", возможно, свидетельствуют о человеческом использовании, вопрос об их истории далек от разрешения. Однако несомненно, что человеку удалось продержаться целую вечность в компании мамонта, пещерного медведя и других животных, ныне вымерших. Вопрос о том, пережил ли палеолитический человек ледниковый период в Британии, до сих пор не получил удовлетворительного решения. В Галлии, однако, имеются достаточные доказательства преемственности между палеолитическим и неолитическим периодами, и эта преемственность, очевидно, должна была где-то существовать. Однако, несмотря на признаки преемственности, цивилизация первобытного человека в Галлии представляет собой один аспект, не имеющий аналогов ни в жизни палеолитических людей периода Дрейфа, ни в жизни человека Нового каменного века. Речь идет о замечательном художественном мастерстве, проявленном пещерными людьми из района Дордони. Некоторые из рисунков и резьбы этих людей демонстрируют чувство формы, которое было бы достойно людей гораздо более позднего периода. Подобная особенность, какой бы ни была ее цель, возникла ли она в результате попытки с помощью "симпатической магии" поймать животное, как предполагает М. Саломон Рейнах, или в результате простого художественного импульса, является для нас постоянным

напоминанием о скудости наших данных для оценки линий религиозного и иного развития человека в огромные эпохи доисторического времени.

Мы знаем, что от охотничьей жизни человек перешел к пастушеской, научившись приручать животных. Как он к этому пришел и какие мотивы им двигали, остается загадкой. Возможно, как предположил М. Саломон Рейнах, его привело к этому какое-то любопытное и неопределенное чувство родства с ними, или, что более вероятно, как считает настоящий автор, какое-то чувство необходимости союза животных против враждебных духов. По всей вероятности, это не было мотивом, который мы сейчас можем понять. Разум раннего человека был подобен непостижимому разуму мальчика. От пастушеской жизни человек через долгие века снова перешел к земледелию, и останки неолитического человека в Галлии и Британии дают нам представление о его жизни как земледельца. Бык, овца, свинья, коза и собака были его домашними животными; он мог выращивать пшеницу и лен, а также пополнять продукты своего хозяйства за счет охоты и рыбалки. Неолитический человек умел прясть и ткать; он мог добывать необходимый кремнь для своих орудий, которые он изготавливал путем скола и полировки; он также мог делать керамику грубого сорта. По сути, перед нами зачатки сельскохозяйственной цивилизации человека во всем мире. При жизни неолитический человек обитал то в ямах, то в шалашах-кругах, покрытых крышей из веток, поддерживаемых центральным столбом. После смерти его хоронили вместе с родственниками в длинных земляных курганах, называемых курганами, в камерных каирнах и кромлехах или дольменах. Последние обычно состоят из трех стоячих камней, покрытых камнем-крышкой; они образуют каменный остов могилы, который был открыт для обозрения после того, как земляной курган, покрывавший его, был смыт. В могилах умерших хоронили в скорченном положении, а свежие захоронения производились по мере необходимости. Иногда кромлех бывает двойным, а иногда в одном из камней есть отверстие, значение которого неизвестно, разве что оно могло служить для входа и выхода душ. Могилы типа дольмена или кромлеха встречаются во всех странах Западной Европы, Северной Африки и других регионах, где есть камень, пригодный для этих целей, и в этом мы имеем яркую иллюстрацию того, как линии развития материальной цивилизации человека рано или поздно соотносятся с его географическим, геологическим и другим окружением. Религиозные идеи человека в неолитические времена также были соотнесены с условиями его развития, и не интерпретированные каменные круги и столбы мира являются ярким свидетельством религиозного рвения ума, который был преследуем камнем. Прежде чем перейти к иллюстрации этого тезиса, можно кратко обрисовать последующую тенденцию развития кельтской цивилизации.

Через мирное торговое общение бронзовое оружие и орудия труда примерно в 2000 году до н. э. или раньше начали попадать из Центральной и Южной Европы в Галлию, а затем в Британию. В Британии бронзовый век начинается примерно в 1500 или 1400 году до н.э., и некоторые археологи считают, что бронза в этот период обрабатывалась с помощью местного олова в самой Британии. Однако есть основания полагать, что бронза появилась в Британии не только благодаря торговле. Примерно в начале бронзового периода на острове были найдены свидетельства существования расы, отличной от неолитического человека, отличающейся круглым черепом, мощным телосложением и общими признаками воинственного характера. Останки этой расы обычно находят в круглых курганах.

Считается, что эта раса, которая, несомненно, использовала бронзовое оружие, была первой волной, докатившейся до Британии от арийских завоевателей с кельтской речью из ближайшей

части континента, куда она прибыла некоторое время назад, вероятно, по долине Рейна. Поскольку тип кельтской речи, проникший дальше всех на запад, известен как гойдельский или ирландский, небезосновательно считается, что именно он первым прибыл в Британию. Есть также основания полагать, что именно этот тип проник дальше всего на запад Галлии. Его наиболее заметной особенностью является сохранение произношения U как "oo" и QU, в то время как "бритонская" или валлийская разновидность изменила U на звук, произносимый как французское "u" или немецкое "ü", а также QU на P. Подобная линия расщепления наблюдается и в италийских языках, где латынь соответствует гойдельскому, а осканский и умбрийский - бритонскому. Трансальпийская Галлия, вероятно, была захвачена арианоязычными кельтами более чем с одного направления, и проникновение и вторжение новых людей, когда оно уже началось, несомненно, происходило непрерывно по этим различным каналам. Есть веские основания полагать, что в конечном итоге доминирующим типом кельтской речи на большей части Галлии стал тип P, а не QU, благодаря притоку с востока и северо-востока из долины Рейна племен, говорящих на этом диалекте; диалект, который силой завоевания и культуры имел тенденцию распространяться все дальше и дальше на запад. В Британию также со временем был перенесен кельтский язык типа "П", который сохранился в валлийском и корнуэльском языках, остатках языка древней Британии. Из названия Eborēdia (Yvrea) мы знаем, что этот диалект кельтского языка должен был распространиться в Цизальпинской Галлии. Возможно, эта область получила своих первых кельтских захватчиков непосредственно из долины Дуная, как считает М. Александр Бертран, но было бы опрометчиво предполагать, что все ее захватчики пришли с этого направления. Однако для истории кельтской религии важно не распространение различных типов кельтского диалекта, а изменения в цивилизации Галлии и Британии, которые повлияли на религиозные идеи или привнесли новые факторы в религиозное развитие этих земель.

Хищнические походы и завоевательные войны военных кельтских племен в поисках нового дома для своего избыточного населения выдвинули на первый план божества войны, как это было и у древних римлян, которые сами были земледельческой и в то же время хищной расой. Значимость войны в жизни кельтских племен на определенном этапе оставила нам имена большого количества божеств, которые отождествлялись с Марсом и Беллоной, хотя все боги войны изначально не были таковыми. В римском календаре есть множество свидетельств того, что Марс в свое время был сельскохозяйственным богом, а также богом войны. Такова же, как будет показано позже, была вероятная история некоторых кельтских божеств, которые в римские времена отождествлялись с Марсом и Беллоной. Цезарь говорит нам, что Марс когда-то был главным богом галлов, а в Германии это было и сейчас. В Британии также есть несколько божеств, отождествляемых с Марсом, в частности Белатукадрус и Коцидий, и это тоже указывает на развитие религии под военным влиянием. Галлы, по-видимому, добились больших успехов в военном деле и в материальной цивилизации в течение железного века. Культура раннего железного века Гальштата развивалась в Галлии по своим собственным линиям, что привело к форме, известной сейчас как Ла-Тенский или Марнийский тип. Этот тип получил свое название от поразительных образцов, обнаруженных в Ла-Тене на берегу Невшательского озера и в обширных кладбищах долины Марны, захоронения которых охватывают период 350-200 гг. до н.э. Именно в третьем веке до н.э. эта характерная культура Галлии достигла своего зенита и придала определенную форму прекрасным изогнутым узорам, известным как позднекельтское искусство. Железо появилось в Британии около 300 г. до н.э., и узоры позднекельтского искусства представлены здесь лучше всего. Превосходные образцы позднекельтской культуры

были найдены в Йоркшире и других местах, а в Эйлсфорде, Эсике, Лимавади и других местах были обнаружены важные связи с континентальным развитием. Считается, что в развитие этой типично галльской культуры элементы проникли через важный торговый путь долины Роны из Массилии (Марселя), из Греции (*viâ Venetia*) и, возможно, из Этрурии. Доисторическая археология предоставляет множество доказательств того, что в странах, где говорили кельты, обработка металлов из бронзы, железа и золота достигла необычайно высокого уровня совершенства, и это явное свидетельство того, что кельтские страны и районы, расположенные на линии торговых путей, как и долина Роны, достигли материальной цивилизации немалого масштаба еще до римского завоевания. В Британии районы, соприкасавшиеся с континентальной торговлей, также развивались в том же направлении, как говорит нам Сезар. Религиозный аналог этого развития цивилизации - рост во многих частях Галлии, о чем свидетельствует Сезар и многие надписи и географические названия, поклонения богам, отождествляемым с Меркурием и Минервой, божествами цивилизации и торговли. Не случайно, что одним из районов, где наиболее ярко проявлялось это поклонение, была территория Аллоброгической конфедерации, где торговля долины Роны получила свое самое заметное развитие. Из этого очерка кельтской цивилизации легко понять, как здесь, так и в других местах религиозное развитие кельтов было тесно связано с развитием их цивилизации в целом. Однако следует помнить, что материальное развитие не в равной степени затронуло все части кельтского мира. Отчасти сложность истории кельтской религии обусловлена тем, что мы не всегда можем точно определить степень прогресса цивилизации, достигнутого в том или ином районе, идеи, которые его пронизывали, или интересы, поглощавшие его жизнь. Другая трудность заключается в том, что рассказы древних авторитетов о кельтской религии не всегда согласуются с неоспоримыми свидетельствами надписей. Вероятно, религиозная практика кельтского мира была не более однородной, чем его общая цивилизация, и что древние авторитеты в основном верны в своих утверждениях об определенных районах, определенных периодах или определенных слоях общества, в то время как надписи, возникшие под влиянием галло-римской цивилизации, особенно в Восточной Галлии и военной Британии, дают нам ценнейшие дополнительные свидетельства для районов и среды другого рода. Надписи, особенно по именам божеств, которые они раскрывают, дают ценнейшие ключи к истории кельтской религии, даже на более ранних стадиях цивилизации, чем те, к которым они сами принадлежат. В следующей главе будет продолжена работа по соотносению кельтских религиозных идей с этапами кельтской цивилизации.

ГЛАВА III-СООТНОШЕНИЕ КЕЛЬТСКОЙ РЕЛИГИИ С РАЗВИТИЕМ КЕЛЬТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Когда мы имеем дело с длинной перспективой доисторического времени, нам очень трудно, стремясь к перспективе, не сократить в своих мыслях огромные эпохи его длительности. Мы также склонны забывать, что в эти бесчисленные тысячелетия было достаточно времени для того, чтобы на определенных территориях Европы могли развиваться практически новые расы, благодаря преобладанию одних видов и уничтожению других. В течение этих эпох, опять же после возникновения речи, было достаточно времени, чтобы полностью переделать многие языки, ибо до рассвета истории язык был не более свободен от изменений, чем сейчас, и в эти огромные эпохи, какие бы представления об окружающем мире ни были смутно ощутимы доисторическими людьми и сформулированы для них их гениальными родственниками, у них было достаточно времени, чтобы умереть или завоевать превосходство. Должно быть, до

рассвета сознательного анимизма прошло несколько эонов, и эксперимент по опробованию симпатической магии, когда его впервые попытались провести, был, вероятно, расценен как гениальный удар. Сам каменный век был долгой эпохой большого, хотя и медленного прогресса цивилизации, и эволюция практик и идей, которые появляются как сопутствующие элементы его сельскохозяйственной стадии, при внимательном рассмотрении свидетельствуют о способности разума к религиозному прогрессу в свете опыта и разумного эксперимента, и в то же время о тех ошибках, в которые он впал. Каменный век оставил свой след во всем фольклоре мира. Случайному наблюдателю многие идеи, заложенные в нем, могут показаться массой ошибок, и так оно и есть, если оценивать их неисторически, но при критическом и в то же время историческом рассмотрении они позволяют увидеть множество проблесков доисторического гения в мире, где жизнь по необходимости была великим экспериментом. Фольклор мира обнаруживает для одних и тех же этапов цивилизации удивительное единообразие и однородность, как это в изобилии показал д-р Дж. Г. Фрейзер в своей *"Золотой ветви"*. Это единообразие, однако, не обусловлено необходимым единообразием происхождения, но в значительной степени тем, что оно представляет собой состояние равновесия, достигнутое между умами определенного уровня и их окружением, по линиям мысли, направленным импульсом, который дают традиции тысячелетий, и выживанием в истории людей, которые внимательно относились к ним. Кажущиеся необоснованными запреты, часто называемые "табу", многие из которых до сих пор сохраняются даже в современной цивилизованной жизни, уходят корнями в идеи и опыт, которые ни одна наша догадка не может до конца понять, сколько бы мы ни гадали об их происхождении. Многие из этих древних запретов исчезли в новых условиях, другие же часто сохранились благодаря реальной или предполагаемой гармонии с новым опытом, возникшим в ходе истории человека. Пройдя через этап, когда он был слишком поглощен своими материальными заботами и желанием задуматься о том, есть ли у него привидения или нет, ранний человек в кельтском мире, как и в других местах, после долгих эпох смутного беспокойства пришел к пониманию того, что его каким-то образом преследуют как днем, так и ночью, и именно это чувство преследования побудило его интеллект и воображение искать какое-то объяснение своим ощущениям. Первобытный человек искал решение не во Вселенной в целом (об этом у него не было никакого представления), а в локальной Вселенной, в которой он играл определенную роль. Если говорить о кельтском фольклоре, то очень примечательно, как он отражает характерный местный колорит и пейзаж тех районов, в которых он зародился. Например, в такой стране, как Уэльс, это фольклор источников, пещер, гор, озер, островов, и формы его воображения здесь, как и в других местах, безошибочно отражают страну его происхождения. Там, где он изображает "другой мир", этот "другой мир" либо находится на острове, либо это земля под морем, озером или рекой, либо туда можно попасть только через какую-то пещеру или отверстие в земле. В охотничьих угодьях кельтского мира первобытный охотник знал каждую щель большей части своего окружения с точностью, рожденной долгим знакомством, но были некоторые вершины, которые он не мог покорить, некоторые пещеры, в которые он не мог проникнуть, некоторые джунгли, в которые он не мог войти, и в них он не знал, какие чудовища могут скрываться или какие неизвестные существа могут жить. В кельтском фольклоре вера в сказочных чудовищ не угасла до сих пор. Человека окружали опасности, видимые и невидимые, и пришло время, когда какой-то гениальный доисторический человек высказал мнение, что все окружающие его предметы не менее живые, чем он сам. Это анимистическое представление о мире, принятое однажды, получило большое распространение в различных центрах, где оно зародилось, и человек получил от него новое чувство родства со своим миром, но также и новые страхи, исходящие от него. Зная из опыта

сновидений, что сам он, кажется, может уйти от себя, он со временем подумал, что другие живые существа каким-то образом удваиваются, и мир вокруг него стал занят не просто живыми вещами, но и другими "я" этих вещей, которые могут оставаться в них или покидать их по своему желанию. И здесь новая доисторическая философия придала жизни дополнительный интерес, но в то же время она стала источником новых ужасов. Мир кишел невидимыми духами, одни дружелюбными, другие враждебными, и, учитывая эти существа, жизнь должна была регулироваться строгими правилами действий и запретов. Уже на стадии неолита жители кельтских стран достигли религиозных представлений, о чем свидетельствуют не только их фольклор и названия групп богинь, таких как Матреш (или Матери), но и тот факт, что в исторические времена они продвинулись далеко за пределы этой стадии и стали обладателями имен и индивидуализированных богов. Как и во всех странах, где боги были индивидуализированы, люди кельтских земель, будь то аборигены или захватчики, преодолевали крутой подъем от первобытного смутного ощущения присутствия призраков до веры в богов, которые, как Эсус, Тевтатес, Граннос, Борманус, Литавис, имели имена определенного характера.

Среди запретов, утвердившихся среди кельтских рас, как и везде, был запрет на пролитие крови своих сородичей. Есть также свидетельства того, что некоторые племена, населявшие эти страны, считали родство по материнской линии, как это фактически продолжалось среди пиктов Шотландии в исторические времена. Из этого не следует, как мы знаем из других стран, что доарийские племена Галлии и Британии, да и сами арийские племена на их ранней стадии, считали своих предков людьми. Некоторые имена божеств, таких как Тарвос (бык), Моккос (свинья), Эпона (богиня лошадей), Дама (богиня крупного рогатого скота), Мулло (осел), а также тот факт, что древние бритты, по словам Цезаря, берегли курицу, гуся и зайца, но не убивали и не ели их, указывают на то, что в этих странах, как и в других, определенные животные пользовались большим уважением и тщательно оберегались от вреда. Судя по аналогии с родственными явлениями в других странах, практика почитания определенных животных часто была связана с верой в то, что все члены определенных кланов происходят от тех или иных из них, но насколько далеко эта система была развита в кельтском мире, сказать трудно. На это явление, широко известное как тотемизм, указывает и то, что на кельтских монетах и знаках отличия большое внимание уделяется кабану, а на некоторых надписях и барельефах - фигуре рогатой змеи, а также обнаруженным чучелам других животных. Нелегко объяснить зарождение тотемизма в Галлии или в других местах, но всегда следует помнить, что ранний человек не мог считать аксиоматической истиной, что он выше всех других животных. Достижение такого гордого сознания - очень высокая ступень в развитии человеческой перспективы, и заслуга кельтов в том, что, когда мы знаем их в исторические времена, они, похоже, достигли этой высоты, поскольку их божествам придается человеческий облик. Не всегда помнят, какой огромный шаг в религиозной эволюции подразумевается, когда боги облачаются в человеческие атрибуты. М. Саломон Рейнах, рассказывая о пережитках тотемизма у кельтов, предполагает, что тотемизм был всего лишь гипертрофией социального чувства раннего человека, которое распространялось от человека к окружающим его животным. Возможно, это и так, но не исключено, что человек также думал обнаружить в определенных животных столь необходимых союзников против некоторых видимых и невидимых врагов, которые преследовали его. В своем конфликте с окружающими его злыми силами он вполне мог считать некоторых животных в некоторых отношениях более сильными бойцами против этих сил, чем он сам; а если они не были физически сильнее, то некоторые из

них, например змея, обладали хитростью и тонкостью, которые, казалось, намного превосходили его собственные. Со временем некоторые группы людей стали считать, что находятся в особом союзе с каким-то одним животным и происходят от него как от общего предка. Существование бок о бок различных племен, каждое со своим определенным тотемом, еще не полностью доказано для галльской системы и вполне может быть развитым социальным устройством, которое не было существенной частью такого образа мышления в его первичных формах. Место поклонения животным в кельтской религии будет более подробно рассмотрено в одной из последующих глав. Здесь же оно указывается лишь как необходимый этап по отношению к человеческой цивилизации на охотничьей и пастушеской стадиях, которые должны были быть пройдены, прежде чем могли появиться исторические божества Галлии и Британии в римские времена. Некоторые божественные имена исторического периода, такие как Artio (богиня-медведица), Mocsus (свинья), Eborica (кобыла) и Damona (овца), несут на себе неизгладимый отпечаток того, что когда-то они были именами животных.

Что касается стадии цивилизации, на которой зародился тотемизм, то здесь мнения расходятся. Судя по уровню развития сознания, который он подразумевает, он отражает то время, когда мысли человека были заняты дикими зверями, и когда союзы и дружеские отношения, которые он ценил в жизни, могли быть найдены в этой сфере. Мнение М. Саломона Рейнаха о том, что одомашнивание животных само по себе подразумевает тотемистический образ мышления и последующую защиту этих животных с помощью табу от вреда и смерти, представляется весьма правдоподобным. Вполне возможно, что в конце концов полезность домашних животных с материальной точки зрения была для человека лишь вторичным соображением и счастливым открытием после неудачных тотемистических привязанностей к другим животным. Мы не знаем, сколько существ ранний человек пытался ассоциировать с собой, но потерпел неудачу.

На всех этапах истории человека смена времен года, должно быть, привносила в его мысли какие-то зачатки порядка и системы, хотя долгое время он был слишком озабочен, чтобы размышлять о регулярно повторяющихся превращениях своей жизни. На этапе пастушества чувство порядка стало более выраженным, чем на охоте, и пробудило в уме свежие мысли. Земля стала рассматриваться как Мать, от которой произошли все вещи, и есть множество свидетельств того, что Земля как Мать, Королева, Долгоживущая и т. д. заняла свое естественное место богини среди кельтов. Ее имена и титулы, вероятно, не во всех местах и не во всех племенах были одинаковыми. Но именно на сельскохозяйственной стадии она вошла в кельтских землях, как и в других странах, в свое наиболее полное религиозное наследие, и этот аспект кельтской религии будет рассмотрен более подробно в связи с духами растительности. Эта фаза религии в кельтских странах лежит в основе некоторых из ее наиболее характерных форм и дольше всего сохранилась в кельтском фольклоре. Мать-земля с ее потомством духов, родников, рек, гор, лесов, деревьев и кукурузы, похоже, обеспечила большинство сгруппированных и индивидуализированных богов кельтского пантеона. Дис, о котором Сезар говорит как о древнем боге галлов, вероятно, считался ее сыном, к которому мертвые возвращались после смерти. Является ли он галльским богом, изображаемым с молотом или в виде огромной собаки, проглатывающей мертвых, пока не удалось установить с какой-либо степенью достоверности.

ГЛАВА IV КЕЛЬТСКАЯ РЕЛИГИЯ И РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННЫХ БОЖЕСТВ

Как и другие религии, религии кельтов Европы дополнили ранний анимизм верой в духов, которые принадлежали деревьям, животным, скалам, горам, источникам, рекам и другим природным явлениям, а в фольклоре до сих пор сохранилось множество свидетельств того, что кельты считали духов, принимавших самые разные формы, как животных, так и людей. Именно это представление о духах в форме животных помогло сохранить память о более древнем тотемизме до исторических времен. Именно поэтому мы имеем имена типа Бранног (сын ворона), Артог (сын медведя) и т. п., не говоря уже о более простых именах, таких как Бран (ворон), Марч (конь), дошедших до исторических времен. В Нёви-ан-Суллиясе также были найдены бронзовые изображения лошади и оленя (сейчас они находятся в Орлеанском музее), снабженные кольцами, которые, как предполагает М. Саломон Рейнах, вероятно, использовались для того, чтобы нести эти изображения в процессии. Кабан также был излюбленной эмблемой Галлии, и сохранилась бронзовая фигурка кельтской Дианы, сидящей верхом на спине кабана. В Боларе, близ Ньюиса, был обнаружен бронзовый мул. В музее Майенса находится барельеф богини лошадей Эпоны (от галльского *Epos*=лат. *equus*, лошадь), сидящей верхом на лошади. Одним из самых значительных памятников такого рода является фигура богини-медведицы Артио (от кельтского *Artos*, медведь), найденная в Мури близ Берна. Перед ней стояла фигурка медведя, которая также была найдена вместе с ней. Бык с барельефа Тарвос Тригаранос в Нотр-Даме также, по всей вероятности, изначально был тотемом, как и рогатые змеи с других барельефов, а также кабан, встречающийся на галльских знаках и монетах, особенно на территории Бельгии. Есть изображение ворона и на барельефе в Компьене. Имя "Moccus", которое в надписях отождествляется с Меркурием и которое встречается в Лангре, Тробазо, долине Оссола и Борго Сан-Дальмаццо, несомненно, является филологическим эквивалентом валлийского *moch* (свинья). В Британии кабан также часто встречается на монетах иценов и других племен. В Италии, по словам г-на Уорда Фаулера, свинья была подходящим подношением божествам земли, так что в широком использовании свиньи как символа в кельтском мире, возможно, есть какой-то древний отголосок связи между ней и духом земли. Ее рацион, состоящий из желудей, также может указывать на то, что в ранние времена жизни в лесопосадках она была животным, воплощающим духа дуба. В легендах кельтских рас, даже в исторические времена, свинья, и особенно кабан, занимает почетное место. Помимо вышеупомянутых животных, в одном из районов Галлии, вероятно, когда-то почитался и осел, и не исключено, что Мулло, имя бога, отождествляемого с Марсом и считавшегося покровителем погонщиков, упоминаемое в надписях (в Нанте, Краоне и Ле-Прованшере близ Краона), первоначально означало "осел". Богиня Эпона, поклонение которой было широко распространено, вероятно, когда-то была богиней-животным в образе кобылы, а имя другой богини, Дамоны, либо от корня *dam*=урл. *dam*, (бык), либо от валлийского *daf-ad* (овца), может быть аналогичным образом связано с древним тотемом овцы или коровы. Не только в животном мире кельты видели признаки божественного. В то время как погоня и пастушеская жизнь концентрировали внимание на жизни животных, развитие сельского хозяйства приковало мысли человека к жизни земли и всего, что на ней растет, и в то же время заставляло его все больше и больше задумываться о таинственном мире под землей, откуда все пришло и куда все возвращается. Не мог он забыть и о лесных деревьях, особенно о тех, которые, подобно дубу, давали ему свои плоды в качестве пищи в трудные времена. Название друидов, как и название центра поклонения малоазийских галлов Друнеметон (дубовая роща),

утверждение Максима Тирского, что изображением Зевса у кельтов был высокий дуб, рассказ Плиния о друидизме (*Nat. Hist.*, xvi. 95), многочисленные надписи, посвященные Сильвану и Сильване, упоминание *Dervōnes* или *Dervonnae* на надписи в Кавальцезио близ Брешии, а также многочисленные свидетельства о выживших в фольклоре, собранные доктором Дж. Г. Фрейзером и другими, указывают на то, что поклонение дереву, особенно дубу, внесло свой вклад в развитие кельтской религии, во всяком случае, в некоторых районах и в некоторые эпохи. Развитие военной и торговой цивилизации в более поздние времена имело тенденцию ограничивать ее типичные и более примитивные проявления более консервативными частями кельтского мира. Тот факт, что во времена Сезара главный центр в Галлии находился на территории карнутов, племени, которое дало название Шартру, говорит о том, что его главные приверженцы находились в основном в этой части страны. Это также был район бога Эсуса (одноименного бога эссувиев) и, в некоторой степени, Тевтата, о жестокости обрядов которого упоминает Лукан. Настоящему писателю, до того как он нашел аналогичное мнение, высказанное М. Саломоном Рейнахом, пришло в голову, что поклонение Эсу в Галлии носило почти полностью местный характер. Что касается обрядов друидов, то Сезар рассказывает, что было принято делать огромные плетеные изображения, в которые помещались и сжигались человеческие существа, обычно преступники. Использование плетеных изделий и предположение о том, что обряд был направлен на очищение земли, указывает на сочетание идей поклонения дереву с идеями ранней сельскохозяйственной жизни. Когда Суетоний говорит, что император Клавдий подавил друидизм, то, по всей вероятности, имеется в виду, что были подавлены более бесчеловечные обряды, что привело, как предполагают схолиасты о Лукане, к замене людей жертвами животных. Что касается гражданского управления и образования, то функции друидов, как преемников первобытных знахарей и магов, несомненно, сильно различались в разных частях Галлии и Британии в зависимости от прогресса, достигнутого в дифференциации функций в социальной жизни. Чем больше мы изучаем состояние кельтского мира в древности, тем яснее становится, что в цивилизационном отношении он был очень далек от однородности, и эта неоднородность цивилизации должна была оказать свое влияние на религию, как и на другие социальные явления. Естественный консерватизм сельскохозяйственной жизни также сохранил многие обычаи даже в сравнительно поздние времена, и о них мы узнаем от Григория Турского, когда он рассказывает, что в Аутене поклонялись богине Берецинтии, ее изображение перевозили на повозке для защиты полей и виноградников. Не исключено, что под Берецинтией Григорий подразумевает богиню Бригинду, чье имя встречается на надписи в Вольне в том же районе Галлии. Вера в кукурузные духи и другие идеи, связанные с центральной мыслью жизни фермера, показывают своей живучестью в кельтском и других фольклорах, насколько глубоко они проникли во внутреннюю ткань земледельческого сознания, чтобы быть связанными с его самыми острыми эмоциями. Здесь религиозные обряды, ли убеждающие, как в молитве, или принудительные, как в симпатической магии, связанные ли с общинной или умиловительной жертвой, обращенные к земле или к небу, - все они носили сугубо практический и ужасно реальный характер, обусловленный постоянной озабоченностью человека выращиванием и хранением пищи для людей и зверей. В охотничьей, пастушеской и, прежде всего, в земледельческой жизни религия была не просто предметом воображения или чувств, а самым тесным образом связана с повседневной практикой жизни, и этот практический интерес включал в себя реки, источники, леса, горы и все условия существования человека. То, что можно сказать о сельском хозяйстве, в большей или меньшей степени относится и к жизни кельтского мастера по металлу или кельтского моряка. Даже в поздней валлийской легенде Амаэтон (старое

кельтское *Ambactōnos*), бог-покровитель земледелия (валлийское *Amaeth*), и Гофаннон, бог-покровитель металлургов (валлийское *gof*, ирландское *gobha*), не были совсем забыты, И то, что в исторические времена в Галлии поклонялись двойникам Меркурия и Минервы, объяснялось чувством уважения и благодарности, которое каждый промысел и каждая местность испытывали к божеству, избавившему землю от чудовищ и приведшему человека в сравнительное спокойствие цивилизованной жизни.

ГЛАВА V ОЧЕЛОВЕЧЕННЫЕ БОГИ КЕЛЬТСКОЙ РЕЛИГИИ

Одним из наиболее поразительных фактов, связанных с кельтской религией, является большое количество имен божеств, которые она включает в себя. Эти имена известны нам почти полностью из надписей, в большинстве своем votивных табличек, в знак признания какого-то блага, обычно здоровья, дарованного богом человеку. В Британии эти votивные таблички в основном найдены в окрестностях римских стен и лагерей, но мы не всегда можем быть уверены, что упомянутые божества являются местными. В Галлии, однако, мы имеем больше оснований связывать определенные божества с определенными районами, поскольку свидетельства географических названий часто являются ориентиром. Эти надписи очень неравномерно распределены по территории Галлии, западные и северо-западные районы представлены очень скудно.

В настоящем кратком очерке невозможно вступить в полное обсуждение отношений имен, найденных в надписях, к конкретным местностям, и света, брошенного таким образом на кельтскую религию; но здесь можно сказать, что исследование имеет тенденцию подтверждать местный характер большинства божеств, которые названы в надписях. Некоторые из этих божеств, правда, в процессе эволюции приобрели более широкий круг почитателей, а другие, как Лугус, возможно, даже были когда-то более широко почитаемы, чем в более поздние времена. Иногда такие имена, как Лугус (ирландское *Луг*), Сегомо (ирландское, в родительном падеже, *Сегамонас*), Камулос, откуда Камулодунум (Колчестер), Бель (валлийское *Белин*), Мапōнос (валлийское *Мабон*), Литавис (валлийское *Ллидав*), существование которого в Британии и Галлии позволяет предположить, что он был либо одним из древних божеств арийских кельтов, либо тем, чье поклонение распространялось на большую территорию, чем у его собратьев. Однако, если не принимать во внимание несколько исключительных соображений такого рода, местный характер божеств наиболее заметен.

Очень многие из них - божества источников и рек. В Норикуме, например, есть Адсалута, богиня, связанная с Савусом (рекой *Саве*). В Британии "богиня" *Dēva* (река *Ди*) и *Belisāma* (река *Риббл* или *Мерси*), имя которой означает "самая воинственная богиня", относятся к этому типу. У нас есть еще *Ахōна* - богиня реки *Эсн*, *Sequāna* - богиня *Сены*, *Ritōna* - реки *Рьё*, многочисленные нимфы и многие другие божества фонтанов. Несомненно, многие другие имена местных божеств имеют подобный характер. Воздушные явления, по-видимому, оставили очень мало четких следов на именах кельтских божеств. Винтиос, бог, отождествляемый с Марсом, был, вероятно, богом ветра, Таранкус - богом грома, Лейсетиос - богом молнии, Сулис (из *Бата*) - богиней солнца, но за пределами этих имен мало, если вообще есть, отражений небесных явлений. Из богов, названных в надписях, почти все отождествляются с Меркурием, Марсом или Аполлоном. Боги, которые стали считаться культурными божествами, судя по их именам, имеют различное происхождение: некоторые из них являются очеловеченными тотемами, другие - божествами растительности или местных

природных явлений. Как уже отмечалось, очевидно, что рост коммерческой и цивилизованной жизни в некоторых районах привел к появлению божеств, отождествляемых с Меркурием и Минервой как покровителями цивилизации. Военные люди, особенно в Британии, по-видимому, отдавали предпочтение таким божествам, как Белатукадрос (блестящий в войне), отождествляемый с Марсом.

Около четырнадцати надписей с его упоминанием были найдены на севере Англии и юге Шотландии. Богиня Бригантия (божество-покровитель Бригантов) также упоминается в четырех надписях: Коцидий, отождествляемый с Марсом, упоминается на тринадцати: другим популярным богом, по-видимому, был Сильванус. Среди наиболее заметных имен кельтских богов, отождествляемых с Меркурием, - Адсмериус или Атесмериус, Думиатис (бог Пюи-де-Дом), Иовантукар (любимец молодежи), Теутатес (бог народа), Калетос (твердый) и Мокк (кабан). С Марсом отождествляется несколько божеств, среди которых наиболее заметны имена Альбиорикс (царь мира), Катурикс (царь битвы), Дунатис (бог крепости), Белатукадрус (блестящий в войне), Лейцетий (бог молнии), Мулло (мул), Олловидий (всезнающий), Винтий (бог ветра) и Витукадрус (блестящий в энергии). Большое количество имен, отождествляемых с Марсом, отражает то важное место, которое в свое время отводилось войне в идеях, повлиявших на развитие религии кельтских племен. Из богов, отождествляемых с Гераклом, наиболее интересным является имя Огмиос (бог борозды), приводимое Лукианом, но не встречающееся ни в одной надписи. Следующие боги также отождествляются с Юпитером: Арэмо (кроткий), Амбисагрус (настойчивый), Бусумарус (большегубый), Таранукус (громовержец), Укселл (высочайший). Из этого следует, что в исторические времена, во всяком случае, Юпитер не играл большой роли в религиозных представлениях кельтов.

Остается еще одна поразительная особенность кельтской религии, о которой мы еще не упоминали, а именно отождествление нескольких божеств с Аполлоном. Эти божества, по сути, являются главными божествами некоторых целебных источников и курортов, и рост популярности их поклонения - еще один яркий показатель развития религии бок о бок с некоторыми аспектами цивилизации. Одно из имен кельтского Аполлона - Борво (отсюда Бурбон), божество некоторых горячих источников. Это имя индоевропейского происхождения, его дали местному богу фонтанов кельтоязычные захватчики Галлии: оно означает просто "котел". Встречаются и другие формы этого названия: *Bormo* и *Bormānus*. В Акве Гранни (Экс-ла-Шапель) и в других местах имя, отождествляемое с Аполлоном, - Граннос. Мы также находим Могонов и Могонуса, божество-покровителя Могунтиакума (Майнц), и, один или два раза, Мапоноса (великого юношу). Существенной особенностью культа Аполлона была его ассоциация в галло-римской цивилизации с идеей исцеления, которая, благодаря возрождению культа Эскулапия, оказала сильное влияние на религиозные взгляды в других частях империи. Именно в этом представлении о богах как проводниках цивилизации и восстановителях здоровья кельтская религия, во всяком случае, в некоторых районах, проявляет себя в свете после долгого и трудного продвижения из тьмы доисторических идей. То, что говорит Сезар о практике галлов начинать год с ночи, а не с дня, и их древней вере в то, что они произошли от Диса, бога нижнего мира, находит свое отражение в их религиозной истории.

Рассматривая божества кельтского мира, мы, однако, не должны забывать о богинях, хотя их история представляет собой несколько проблем, связанных с большими трудностями. Из этих богинь некоторые известны нам по группам - Проксимæ (родственные женщины), Дервоннæ

(дубовые духи), Нискай (водяные змеи), Мейрæ, Матрæ, Матрæ или Матрæ (матери), Квадривиæ (богини перекрестков). Матрæ, Матрæ и Матрæ часто обозначаются каким-либо местным именем. Божества этого типа, по-видимому, были популярны в Британии, в окрестностях Кельна и в Провансе. В некоторых случаях неясно, являются ли некоторые из этих сгруппированных богинь кельтскими или тевтонскими. Интересной параллелью к существованию этих сгруппированных богинь является то, что в некоторых частях Уэльса "Y Mamau" (матери) - это название фей. Эти сгруппированные богини возвращают нас к одному из самых интересных этапов ранней кельтской религии, когда духи земли или кукурузы еще не были полностью индивидуализированы. Многие из индивидуализированных богинь имеют сугубо местное происхождение, являясь именами источников или рек. Другие же, похоже, стали более известными, и мы находим несколько из них, связанных в надписях, иногда с кельтским богом, а иногда с его латинским аналогом. Ни в коем случае нельзя с уверенностью утверждать, что имена, соединенные вместе, были связаны между собой в ранние времена, возможно, эта мода возникла позже, и, как и другие моды, распространилась после того, как она однажды возникла. В одних случаях отношения могли рассматриваться как отношения матери и сына, в других - как отношения брата и сестры, в третьих - как отношения мужа и жены, но для окончательного решения этого вопроса данных недостаточно. Из этих связанных пар можно отметить следующие: Меркурий и Розмерта, Меркурий и Īrona, Граннус (Аполлон) и Сирона, Суцелл и Нантосвельта, Борво и Дамонта, Циколлус (Марс) и Литавис, Борман и Бормана, Савус и Адсалута, Марс и Неметона. Одно из этих имен, Sirōna, вероятно, означало "долгожительница" и относилось к матери-земле. В валлийском языке сохранились одно или два имени, которые по своей структуре, по-видимому, были древними именами богинь; это Рианнон (Rigantōnā, великая королева) и Модрон (Matrōna, великая мать). Другие британские божества будут более подробно рассмотрены другим автором этой серии в работе, посвященной древней мифологии Британских островов. Достаточно сказать, что исследования все больше и больше подтверждают мнение о том, что ключом к истории кельтских божеств является осознание местного характера подавляющего большинства из них.

ГЛАВА VI- КЕЛЬТСКОЕ ЖРЕЧЕСТВО

Ни одно имя, связанное с кельтской религией, не знакомо рядовому читателю лучше, чем имя друидов, однако нет такого раздела истории кельтской религии, который вызвал бы больше дискуссий, чем тот, что связан с этим орденом. Даже связь названия с индоевропейским корнем *dru-*, который мы находим в греческом слове *drus*, дуб, была поставлена под сомнение таким компетентным кельтским ученым, как М. д'Арбуа де Жюбенвиль, но в этом вопросе нельзя сказать, что его критика является окончательной. Писатели древнего мира, упоминающие друидов, не всегда достаточно четко указывают, в каких районах преобладали те обряды, церемонии и функции, которые они описывали. Не столько жреческий характер друидов производил глубочайшее впечатление на древних. Для некоторых философских и теологических писателей древности их доктрины и их очевидное родство с пифагорейством представляли гораздо больший интерес, чем их обряды или другие функции. Во всяком случае, ясно одно: друиды и их доктрины, или предполагаемые доктрины, произвели глубокое впечатление на писателей древнего мира. Есть упоминание о них во фрагменте Аристотеля (который, однако, не может быть подлинным), который интересен тем, что отводит им место в явном виде как среди кельтов, так и среди галатов. Выдающейся чертой их учения, привлекавшей внимание других авторов, таких как историк Диодор Сикул и христианский богослов Климент

Александрийский, , было сходство их доктрины о бессмертии и переселении души с воззрениями Пифагора. Однако древние авторы не всегда помнили, что религиозное или философское учение не должно рассматриваться как нечто отдельное, а должно интерпретироваться в полном контексте, в связи с его развитием в истории и в социальной жизни общества, в котором оно процветало. Для некоторых древних поверхностное сходство между друидической доктриной о будущем души и учением, приписываемым Пифагору, было существенным моментом, и этого было достаточно, чтобы создать друидам репутацию философов. Так что такой писатель, как Климент Александрийский, заходит так далеко, что считает друидов из "Галатов", наряду с пророками египтян, "халдеями" ассирийцев, "философами кельтов" и волхвами персов, первооткрывателями философии среди варваров, прежде чем она распространилась среди греков. Причина различия, проведенного в этом отрывке между "друидами галатов" и "философами кельтов", неясна. Диодор Сикул обращает внимание на друидическую доктрину, согласно которой души людей были бессмертны, а по истечении определенного количества лет они оживали вновь, и тогда душа вселялась в другое тело. Он говорит, что существовали некие "философы и богословы", которых называли друидами и которые пользовались исключительным почетом. Кроме них, у кельтов, по его словам, были еще и провидцы, которые предсказывали будущее по полету птиц и с помощью жертвоприношений. По его словам, именно этим жрецам-провидцам подчинялись массы. По его словам, в больших делах они практиковали гадание по закланию человеческой жертвы, наблюдая за тем, в каком положении она упадет, за искривлениями конечностей, извержением крови и тому подобным. Это, по его словам, было древней и устоявшейся практикой. Более того, согласно Диодору, не было обычая совершать жертвоприношение без присутствия философа (очевидно, друида в дополнение к приносящему жертву провидцу). Теория заключалась в том, что те, кто был авторитетом в вопросах божественной природы, были для богов внятными посредниками для принесения даров и подачи прошений. Эти философы вместе с поэтами были очень востребованы как в войне, так и в мире, и к ним обращались не только люди своей стороны, но и вражеской. Даже когда две армии сходились в битве, эти философы, по словам Диодора, могли войти в пространство между ними и остановить их от сражения, как если бы они очаровали диких зверей. Из этого Диодор делает вывод, что даже среди самых диких варваров духовный принцип души уступает мудрости, и что Арес (бог войны) даже там уважает Муз. Из этого рассказа ясно, что Диодор имел в виду три класса невоенных профессиональных людей среди кельтов, о которых упоминают и другие древние писатели, а именно бардов, провидцев и друидов. Его рассказ, очевидно, является расширением, в свете его чтения и философских размышлений, информации, предоставленной предыдущими авторами, в частности Посидонием. Последний, похоже, тоже был главным авторитетом Юлия Цезаря, помимо его собственных наблюдений, но Цезарь, похоже, не указывает прямо на тройное деление, о котором идет речь. Приведенный им рассказ очень важен и был бы еще более ценным, если бы он сообщил нам, насколько то, что он описывает, было написано на основе его личных сведений, а также степень различий (если таковые имеются) в религиозной практике в разных районах. Однако высказывания Сезара заслуживают самого пристального внимания. Обратив внимание на разделение галльской аристократии на две основные части - друидов и рыцарей, он переходит к рассказу о друидах. Они, по его словам, занимались религиозными вопросами, участвовали в общественных и частных жертвоприношениях и толковали предзнаменования. Кроме того, они были учителями страны. К ним приходили молодые люди за знаниями, а ученики относились к своим учителям с большим уважением. Они же были судьями в общественных и частных спорах: именно они присуждали возмещение

ущерба и штрафы. Любое пререкание с их суждениями каралось отлучением от жертвоприношений. Отлучение от церкви было самым суровым наказанием среди галлов. К наказанным таким образом людям относились как к преступникам, отрезанным от всего человеческого общества с его правами и привилегиями. Над друидами был один глава, который пользовался среди них наибольшим влиянием. После его смерти его сменял ближайший по достоинству из остальных, а если их было несколько, то выборы преемника производились голосованием друидов. Иногда вопрос о первенстве решался не иначе как с помощью оружия. Друиды собирались в определенное время года в освященном месте на территории Карнутов - района, который считался центром всей Галлии. Это собрание друидов образовывало суд для решения дел, приносимых к ним отовсюду. По словам Цезаря, считалось, что учение друидов было открыто в Британии и оттуда перенесено в Галлию. В те времена туда же прибегали для обучения те, кто хотел глубже изучить его. Друиды имели иммунитет от военной службы и от уплаты дани. Эти привилегии привлекли многих к обучению этой профессии, одних по собственному желанию, других - по просьбе родителей и родственников. Считалось, что во время обучения они заучивали наизусть множество стихов, а некоторые тратили на подготовку по двадцать лет. Друиды считали неправильным излагать свои религиозные учения в письменном виде, хотя почти во всем остальном, будь то общественные или частные дела, они использовали греческие буквы. Цезарь считал, что они не поощряли письменность, с одной стороны, чтобы их учение не стало общественным достоянием, с другой - чтобы опора на письменность не ослабила развитие памяти. Об этом риске Сезар мог свидетельствовать на основании собственных знаний. Их кардинальная доктрина заключалась в том, что души не погибают, но после смерти переходят от одного человека к другому; и это они считали высшим стимулом к доблести, поскольку с перспективой бессмертия страх смерти не имел никакого значения. Кроме того, они вели множество дискуссий о звездах и их движении, о величии вселенной и земли, о природе вещей, о силе и могуществе бессмертных богов и передавали свои знания ученикам. В другой отрывке Сезар говорит, что галлы как народ были чрезвычайно преданы религиозным идеям и практикам. Люди, которые были серьезно больны, участвовали в войне или подвергались какой-либо опасности, приносили или обещали принести человеческие жертвы и использовали друидов в качестве своих агентов для таких жертвоприношений. Согласно их теории, бессмертные боги не могут быть умиротворены, если за человеческую жизнь не будет отдана человеческая жизнь. В дополнение к этим частным жертвоприношениям, у них также были подобные человеческие жертвоприношения общественного характера. Далее Цезарь противопоставляет германцев галлам, говоря, что у первых не было друидов, которые бы следили за вопросами религии, и что они не обращали внимания на жертвоприношения.

В своей работе о прорицании Цицерон также упоминает о том, что друиды занимались естественными науками и умели предсказывать будущее, и приводит в пример случай с эдуем Дивѳиаком, гостем и другом своего брата. Цицерон ничего не говорит о трех классах, о которых говорит Диодор, но Тимаген (цитата из Аммиана) называет эти три класса "бардами", "эвхагами" (ошибка в "вате") и "драсидами" (ошибка в "друидах"). Изучение природы и небес здесь приписывается второму классу провидцев (vates). Высший класс, друиды, были, по его словам, в соответствии с правилом Пифагора, тесно связаны между собой в братства, и, приобретая определенную возвышенность ума от своих исследований скрытых и возвышенных вещей, они презирали человеческие дела и объявили душу бессмертной. Мы видим здесь выраженное мнение о том, что как в социальном, так и в интеллектуальном плане друиды жили в

соответствии с пифагорейской философией. Ориген также ссылается на распространенное в его время мнение, что Замолксис, слуга Пифагора, научил друидов философии Пифагора. Далее он утверждает, что друиды практиковали колдовство. Тройное деление невоенной аристократии, пожалуй, лучше всего описано Страбоном, греческим географом, который здесь следует за Посидонием. Три класса: барды, провидцы (ouateis=vates) и друиды. Барды были сочинителями гимнов и поэтами, провидцы - жертвователями и учеными, а друиды, помимо естественных наук, занимались еще и моральной философией. Они считались самыми справедливыми людьми, и поэтому им доверяли разрешение частных и общественных споров. Именно они предотвращали сражения армий, когда те находились на самой грани битвы, и им особенно доверяли решать дела, связанные с человеческой жизнью. Согласно Страбону, они и их соотечественники считали, что души и вселенная бессмертны, но огонь и вода когда-нибудь победят. По словам Страбона, жертвоприношения никогда не совершались без вмешательства друидов. Помпоний Мела говорит, что в его время (ок. 44 г. н.э.), хотя древней дикости уже не было, и галлы воздерживались от человеческих жертвоприношений, некоторые следы их прежней практики все еще сохранялись, в частности, их привычка отрезать часть плоти приговоренных к смерти после того, как они приносили их к алтарям. Галлы, говорит он, несмотря на следы варварства, обладали собственным красноречием и имели друидов в качестве своих учителей в философии. Они утверждали, что знают размеры и форму земли и вселенной, движение неба и звезд, а также волю богов. Он, как и Сезар, упоминает об их работе в области образования и говорит, что она велась в пещерах или уединенных рощах. Мела говорит об их учении о бессмертии, но ничего не говорит о вселении душ в другие тела. В качестве доказательства этой веры он говорит о практике сжигания и захоронения вместе с мертвыми вещей, необходимых для нужд живых. Латинский поэт Лукан в своей *"Фарсалии"* упоминает об уединении в рощах друидов и их учении о бессмертии. Примечания схолиастов к этому отрывку соответствуют их манере и мало что добавляют к нашим знаниям. Однако в *"Естественной истории"* Плиния (xvi, 249) мы, похоже, сталкиваемся с другой, хотя, возможно, и искаженной, традицией. Плиний был неутомимым компилятором и, судя по всему, частично благодаря чтению, частично благодаря личным наблюдениям, заметил те этапы религиозной практики кельтов, которые другие авторы упускали из виду. В первую очередь он обращает внимание на почитание галлами омелы и дерева, на котором она растет, при условии, что этим деревом был дуб. Отсюда их пристрастие к дубовым рощам и требование дубовых листьев для всех религиозных обрядов. Плиний отмечает созвучность этой практики с этимологией названия "друид" в греческой интерпретации (по-гречески дуб - *drūs*). Если бы это уважение к дубу и омеле не сопровождалось многочисленными примерами поклонения деревьям и растениям, приведенными доктором Фрейзером и другими, можно было бы заподозрить, что Плиний цитирует здесь какого-то писателя, который пытался оттолкнуться от этимологии имени друида. Еще одним подозрительным обстоятельством в рассказе Плиния является его упоминание о змеином яйце, состоящем из змей, скатанных в шар. Он утверждает, что сам видел такое "яйцо" размером примерно с яблоко. Плиний также утверждает, что Тиберий Цезарь декретом сената упразднил друидов и тех провидцев и врачей, которые были у галлов в то время. Это утверждение, если читать его в контексте, вероятно, относится к запрету человеческих жертвоприношений. Историк Суетоний в своем рассказе об императоре Клавдии также утверждает, что Август запретил римским гражданам "религию друидов" (которая, по его словам, "была страшной дикостью"), но Клавдий полностью отменил ее. Здесь также имеется в виду, учитывая описание друидизма, несомненно, отмена человеческих жертвоприношений. У более поздних латинских писателей есть несколько упоминаний о друидессах, но это, вероятно,

были только колдуньи. В ирландском языке имя *drúi* (родительный падеж *druad*) означало мага, а слово *derwydd* в средневековом валлийском языке особенно часто использовалось в отношении ватицинаций, которые были популярны в то время в Уэльсе.

Анализируя свидетельства древних писателей о друидах, мы видим, прежде всего, что для разных умов это имя означало разные вещи. Для Сезара это общее название невоенного профессионального сословия, будь то жрецы, провидцы, учителя, юристы или судьи. Для других друиды - это прежде всего философы и учителя галлов, которых отличают от провидцев, обозначаемых как *vates*. По мнению других, например Плиния, они были жрецами дубового ритуала, откуда и произошло их название. Учитывая разнообразие уровней цивилизации, сосуществовавших в то время в Галлии и Британии, не невероятно, что развитие невоенного профессионального класса сильно варьировалось в разных районах, и что все аспекты друидизма, которые указывают древние писатели, нашли свое место в социальной системе кельтов. В Галлии и Британии, как и в других местах, должность первобытного племенного знахаря могла развиваться бесконечно долго, и все формы ее эволюции не могли развиваться *параллельно* там, где социологические условия находили такой простор для вариаций. Вполне возможно, что, например, обряды, связанные с дубом и омелой, сохранялись в отдаленных сельскохозяйственных районах еще долгое время после того, как они перестали интересовать людей на главных путях кельтской цивилизации. Буколический ум не может легко отказаться от практики тысячелетий.

Помимо термина "друид", мы находим в продолжении *галльской войны* Цезаря (Вк. viii., с. xxxviii., 2), а также на двух надписях, одной в Ле-Пюи-ан-Веле (департамент Верхняя Луара), а другой в Маконе (департамент Сона-и-Луара), еще один священнический титул - "гутуатер". В Маконе эта должность называется "гутуатер Мартис", но о ее особенностях ничего не известно.

ГЛАВА VII- КЕЛЬТСКИЙ ПОТУСТОРОННИЙ МИР

В предыдущей главе мы видели, что среди греческих и римских писателей было широко распространено убеждение, что друиды учили бессмертию души. Некоторые из этих авторов также указывают на несомненный факт, подтвержденный археологией, что предметы, которые могли бы пригодиться живым, хоронили вместе с мертвыми, и это рассматривалось как подтверждение мнения, что бессмертие души было для кельтов предметом веры. Изучение археологии, с одной стороны, и сравнительной религии - с другой, определенно приводит к выводу, что в бронзовом и раннем железном веках, а также, по всей вероятности, в каменном веке, преобладала идея, что смерть не является концом человека. Кромлехи позднего каменного века с отверстиями, вероятно, предназначались для выхода и входа душ. Пища и оружие, которые хоронили вместе с мертвыми, считались предметами истинной нужды. Римская религия в некоторых своих обрядах также предусматривала средства для периодического изгнания голодных и враждебных духов умерших и для их умиротворения предложением пищи. Гробница и ее дополнения предназначались не только для почитания мертвых, но и для защиты живых. Была проведена четкая линия разграничения между довольными и благодетельными призраками, такими как Маны, и недовольными и враждебными призраками, такими как Лемуры и Ларве. Для кельтского ума, когда зародились его аналитические способности, и человек стал достаточно самосознательным, чтобы

размышлять о себе, проблема его собственной природы требовала решения. В этих решениях дыхание, кровь, имя, голова и даже волосы обычно играли определенную роль, но сами по себе они не могли объяснить таинственные явления сна, сновидений, эпилепсии, безумия, болезней, тени человека и его отражения, а также его смерти. Долго знакомясь с научными или квазинаучными объяснениями этих вещей, нам трудно в полной мере осознать их неизменную притягательность для раннего человека, у которого, как и у нас, были свои мыслители и философы. Одно из очень широко распространенных решений раннего человека в кельтском мире заключалось в том, что внутри него существовало другое "я", которое могло жить своей собственной жизнью отдельно от тела и которое пережило даже смерть, погребение и сожжение. Иногда это внутреннее "я" ассоциировалось с дыханием, отсюда, например, латинское "anima" и валлийское "enaid", оба означающие душу, от корня *an-*, to breathe. В другие времена термин, используемый для обозначения второго "я", имел отношение к тени человека: греческое "skia", латинское "umbra", валлийское "ysgawd", английское "shade". Существует множество свидетельств того, что жизненный принцип часто рассматривался как особенно связанный с кровью. Другая тенденция, многочисленные примеры которой привел в своем валлийском фольклоре директор школы, заключалась в том, чтобы считать душу способной принимать видимую форму, необязательно человеческую, предпочтительно форму какого-нибудь крылатого существа. В древних писателях нет никакой информации о распространенных среди кельтов взглядах на формы или места обитания духов умерших, кроме утверждения, что друиды учили доктрине их перерождения. Поэтому мы вынуждены обращаться к свидетельствам мифов, легенд и народных преданий. Они дают достаточные указания на типы ранних народных верований в эти вопросы, но было бы ошибкой считать, что идеи, воплощенные в них, остались полностью неизменными с далеких времен. Человеческий разум на определенных уровнях вполне способен создавать новые мифы и новые народные предания в соответствии с собственной психологией и логикой. Формы, которые может принимать душа, несомненно, сильно варьировались в представлениях людей в разных районах и в разных ментальных перспективах, но фольклор, как правило, подтверждает мнение, что ранний человек, как в кельтском мире, так и в других местах, был склонен подчеркивать свою концепцию тонкости и подвижности души по сравнению с телом. Рано или поздно первобытный философ должен был задуматься о том, куда уходит душа во сне или после смерти. Возможно, поначалу он не думал о какой-либо иной сфере, кроме той, в которой протекает его собственная обычная жизнь, но другие вопросы, такие как место обитания духов растительности в земле или под землей, наводили на мысль, даже если эта мысль не приходила ему в голову раньше, что духи людей тоже имеют вход в нижний мир. Будет ли этот мир далее представлен в воображении, во многом зависело от поэтического гения того или иного народа. Фольклор кельтских народов в изобилии свидетельствует об их вере в то, что под этим миром существует другой. В фольклоре валлийцев, воплощенном в средневековой поэзии, "anpwfn" отчетливо представлялся как "is elfydd" (под миром). В средневековых валлийских легендах этот нижний мир, как и этот, делится на королевства, а его короли, как Араун и Хафган в "Мабиноги" Пвила, представлены как иногда вступающие в конфликт. Из этого нижнего мира к человеку пришли некоторые блага цивилизации, и среди них - столь ценный дар свиней. Предприимчивые герои могли даже грабить нижний мир. Между жителями одного и другого мира возможны браки, подобные браку Пвила и Рианнон. Однако потусторонний мир кельтов, похоже, не всегда изображался под землей. Ирландские и валлийские легенды объединяются в том, что временами он располагался на далеких островах, а валлийский фольклор содержит несколько предположений о том, что другой мир находится под водами озера, реки или моря. В

одном или двух отрывках валлийской средневековой поэзии тени представлены блуждающими в лесах Каледонии (Coed Celyddon). Это, несомненно, было традиционным представлением в тех семьях, которые мигрировали в Уэльс в послеримские времена из Стратклайда. Для тех, кто ломал голову над судьбой душ умерших, идея их перерождения была очень естественным решением, и мистер Альфред Натт в своем *"Путешествии Брана"* обратил внимание на то, что эта идея встречается в ирландских легендах. Однако из этого не следует, что души всех людей будут пользоваться привилегией такого возрождения. Как отмечает мистер Альфред Натт, ирландская легенда, похоже, рассматривает это перерождение как привилегию только истинно великих людей. Интересно отметить любопытную устойчивость подобных представлений о смерти и потустороннем мире в литературе, написанной даже в христианские времена и монашескими писцами. В валлийском языке, помимо *Annwfn*, термина, который, по-видимому, означает "Не-мир", есть и другие названия для нижнего мира, такие как "anghar", место без любви; "difant", место без оправы (отсюда современное валлийское слово "difancoll", потерянное навсегда); "affwys", бездна; "affan", земля невидимая. Верхний мир иногда называют "elfydd", иногда "adfant", последний термин означает место, чей обод откинут назад. По-видимому, он подразумевает изображение земли в виде диска, обод или губа которого загнуты назад, чтобы люди не упали в "дифант", или место без обода. В современном кельтском фольклоре различные местные потусторонние миры являются обителью фей, и в этих традициях, возможно, как предположил директор Рхес, есть некоторая смесь воспоминаний о более ранних жителях различных районов. В современном фольклоре, как и в средневековых легендах, есть истории о брачных союзах выходцев из этого мира с выходцами из потустороннего мира, часто расположенного под озером. Любопытный читатель найдет несколько примеров таких историй в сборнике валлийского и манкского фольклора *Principl Rhŷs*. В ирландской легенде одной из самых классических историй является история обручения Этэйн, которая имеет несколько точек соприкосновения с повествованием о встрече Пвила и Рианнон в валлийских "Мабиноги". Имя жены Артура, Гвенхвифар, что означает "Белый призрак", также указывает на то, что первоначально она тоже играла роль в подобной истории. Во всех этих и подобных повествованиях важно отметить, как кельтские представления о потустороннем мире в Британии и Ирландии были окрашены географическими аспектами этих двух стран, их морями, островами, пещерами, курганами, озерами и горами. Локальные потусторонние миры этих стран, как и следовало ожидать, несут на себе четкий отпечаток своего происхождения. В целом представления о потустороннем мире, которые мы встречаем в кельтских легендах, радостны; это земля юности и красоты. Например, ирландского героя Кухулайнна привозят в лодке на удивительно красивый остров, вокруг которого выстроена серебряная стена и бронзовый частокол. В одной из валлийских легенд котел головы Аннуфна окружен ободком из жемчуга. В одной из ирландских историй есть наивное описание славы кельтского Элизиума в словах: "Восхитительна та земля: там три дерева всегда приносят плоды, одна свинья всегда жива, а другая готова к приготовлению". Иногда, однако, мы встречаем и другую картину. В валлийской поэме "Y Gododin" поэт Анейрин выражает свою благодарность за то, что сын Лливарха Хена спас его из "жестокой тюрьмы земли, из обители смерти, из земли без любви". Таким образом, характерными особенностями кельтских представлений о потустороннем мире являются их соответствие тем представлениям, которые кельтские пейзажи навевали кельтскому воображению, неясность и изменчивость этих представлений в разных умах и при разных настроениях, отсутствие каких-либо этических соображений, помимо стимула к храбрости, который дает мысль о бессмертии, и замечательное развитие чувства возможных взаимоотношений между двумя мирами, будь то мирные или враждебные. Такие

представления, как мы видим из кельтских легенд, оказались замечательным стимулом и дали прекрасный материал для развития кельтского повествования, а эффект странности и романтики был еще усилен всеобщей верой в возможности магии и метаморфоз. Кроме того, связь с бесчисленными географическими названиями легенд такого рода придавала красивым пейзажам кельтских земель дополнительное очарование, которое привязывало к ним их жителей с тонкой и непобедимой привязанностью, едва ли понятной более прозаичным обитателям прозаических земель. Для поэтического кельта любовь к родине становится почти религией. Кельтский ум не может оставаться равнодушным к землям и морям, сама красота которых заставляет человека смотреть на них до самого горизонта, а линии наблюдения, проведенные до горизонта, являются для кельта постоянным соблазном для мысли о бесконечности за горизонтом. Озабоченность кельтского ума божествами его пейзажей, его источников, его рек, его морей, его лесов, его гор, его озер полностью соответствовала характеру его ума, когда он был настроен на естественное окружение. При рассмотрении кельтской религии, мифологии и легенды нашего внимания требуют не столько изменчивые местные и временные формы, сколько всепроникающий и оживляющий дух, который проявляет свой основной характер даже сквозь скудные останки древнего кельтского мира. Кельтская религия несет на себе отпечаток природы на земле гораздо больше, чем природы в небесах. Ощущение неба над головой, возможно, сохранилось в некоторых общих индоевропейских кельтских терминах, обозначающих божественный принцип, и есть некоторые следы религиозного интереса к солнцу и богу грома и молнии, но каждый изучающий кельтскую религию должен чувствовать, что основные и характерные элементы связаны с землей во всем разнообразии ее местных явлений. Великая мать-земля и ее разнообразное потомство всегда фигурируют в кельтской религии под разными именами, и даже черты потустороннего мира не могли быть отделены для кельта от черт его матери-земли. Праздники его года тоже были связаны с угасанием и возобновлением ее годовой жизни. Костры ноября, мая, середины лета и августа, несомненно, должны были ассоциироваться с превратностями ее жизни и духами, которые были ее детьми. Для кельта год начинался в ноябре, так что его второе полугодие начиналось с первого мая. Идея, на которую ссылается Сезар, о том, что галлы считали себя произошедшими от Диса, бога нижнего мира, и начинали год с ночи, отсчитывая время не по дням, а по ночам, указывает в том же направлении, а именно, что темнота земли имела большее влияние на разум, чем яркость неба. Уэльские термины, обозначающие неделю и две недели, *wythnos* (восемь ночей) и *pythefnos* (пятнадцать ночей), соответственно, подтверждают утверждение Сезара. Нам сейчас может показаться более естественным ассоциировать религию с созерцанием небес, но для кельтских земель, во всяком случае, основная тенденция свидетельств показывает, что религиозный ум был в основном привлечен к созерцанию земли и ее разнообразной жизни, и что кельт искал свой потусторонний мир либо под землей, с ее реками, озерами и морями, либо на островах на далеком горизонте, где земля и небо встречаются. Это преобладание земли в религии полностью соответствовало интенсивности религии как фактора в его повседневных занятиях. Именно эта интенсивность дала друидам в то или иное время в истории западных кельтов ту власть, которую им приписывают Сезар и другие. Весь народ галлов, даже с его военной аристократией, был чрезвычайно предан религиозным идеям, хотя они и приводили к бесчеловечности человеческих жертвоприношений. В свое время их чувство реальности потустороннего мира было настолько велико, что они верили, что кредиты, взятые в этом мире, будут возвращены там, и практическая вера не могла пойти дальше этого. Все эти соображения показывают, насколько важно при

сравнительном изучении религий исследовать каждую религию во всей ее социологической и географической среде, а также в этимологическом значении ее терминов.

В заключение автор надеется, что этот краткий очерк, основанный на самостоятельном изучении основных свидетельств религиозных идей и практик кельтских народов, поможет заинтересовать студентов-религиоведов доминирующими формами мышления, которые с незапамятных времен господствовали на этих землях Запада Европы и которые в фольклоре и обычаях время от времени проявляются даже в среде нашей современной высокоразвитой и сложной цивилизации. Размышления раннего человека над проблемами своего бытия - ведь в суевериях проявляется мысль - заслуживают уважения, ибо, пытаясь мыслить, он пытался пробиться к свету.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Rhys, *Hibbert Lectures on Celtic Heathendom*.

Rhys, *Celtic Folk-lore, Welsh and Manx*.

Reinach, S., *Cultes, Mythes et Religion*.

Натт, Альфред, *Путешествие Брана*.

Сквайр, *Мифология Британских островов*.

Gaidoz, *Esquisse de Mythologie gauloise*.

Bertrand, *La Religion des Gaulois, les Druides et le Druidisme*.

Фрейзер, "Золотая ветвь".

Джойс, *Социальная история Ирландии*.

D'Arbois de Jubainville, *Les Druides et les dieux celtiques à forme d'animaux*.

Windisch, *Irische Texte mit Wörterbuch*.

Cynddelw, *Cymru Fu*.

Foulkes, *Enwogion Cymru*.

Campbell, *Popular Tales of the West Highlands*.